

Йожеф Бороч

Восточноевропейские участники ЕС: неуверенно Ваши

С черепашьей скоростью и решимостью ЕС сдвигает свои границы в восточном направлении. Если верить несметному числу обещаний, речей, соглашений и договоренностей европейских политических деятелей, то в центре Европы состоится еще одна геополитическая перестановка: та часть Европы, что долгое время относилась к советскому блоку, теперь присоединится к ЕС. Это геополитическое изменение обычно изображается в европейских газетах как триумфальное шествие Восточной Европы к давно заслуженному раю. Восточноевропейские избиратели, кажется, не настолько в этом уверены.

Крах государственного социализма породил ситуацию, которая является весьма знакомой государствам Восточной Европы еще до государственного социализма в их истории: в той ситуации формальный суверенитет был связан с чрезвычайной внешней зависимостью и рядом институциональных мер, которые сокращали их возможности действовать независимо. В этом отношении Восточной Европе свойственна напряженность многих постколониальных государств, выражающаяся в комбинации формального суверенитета с очень высоким уровнем реальной зависимости от небольшого количества внешних факторов.

С 1989 года вновь обретшие суверенитет государства Восточной Европы служили двум главным геополитическим

целям, ни одна из которых не коренилась в их основополагающих интересах. Они обеспечивали внешнюю зону геополитической безопасности для Западной Европы и поставляли недорогой труд и энергию некоторым мощнейшим мировым транснациональным корпорациям. Самые активные из транснациональных корпораций Восточной Европы размещались в ЕС. Экономическая зависимость от ЕС и военно-политическое подчинение НАТО стали двумя главными особенностями такого устройства. В качестве участников последнего фактически все государства региона решили к настоящему времени послать войска в оккупированный Ирак. Польша – единственная страна среднего размера среди новых членов НАТО – в настоящее время руководит целым военным районом в Ираке.

Через тринадцать лет после первых парламентских выборов, в которых участвовало более одной политической партии, как это обыкновенно имело место в советском блоке, восьми государствам на восточном периметре европейского Союза – Чешской республике, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литве, Польше, Словакии и Словении – пришлось превратиться в буферную зону и зону дешевого труда, внутренне принадлежащую ЕС. Остальная часть прежнего советского блока продолжит играть роль внешнего буфера и поставщика труда/энергии. Таким образом, начиная с 2004 года ЕС будет иметь два буфера на своем восточном периметре: один внутренний, второй наружный.

Чтобы поддерживать статус буферной зоны Восточной Европы и максимально долго подавлять уровень заработной платы даже после вступления новых членов, Европейский Союз изобрел формулу «двухъярусного» ЕС, со вторым нижним ярусом, зарезервированным для новых участников. Политические элиты вступающих стран приняли это второразрядное положение без особых затруднений. Согласно этой договоренности, новым участникам будет только позволено осуществить переход на евро с минимальной задержкой в пять лет, а «свобода передвижения труда», самый социально амбициозный аспект процесса интеграции Европейского Союза,

будет пожалована новым членам лишь спустя семь лет после их формального вступления, то есть, если все пойдет в соответствии с расписанием, где-то к 2011 г. Именно на эти зависимые отношения, и в особенности на низкие трудовые затраты, происходящие из ограничений на передвижение относительно высококвалифицированной и плохо оплачиваемой восточноевропейской рабочей силы внутри Европейского Союза, и намекал Гюнтер Ферхойген, Еврокомиссар, ответственный за «восточное расширение», в своей недавней речи в Университете Васеда в Токио, когда утверждал, что «10 стран соглашения обеспечат один из самых устойчивых инвестиционных климатов на появляющихся рынках»¹.

Остальным претендентам, в настоящее время ожидающим на пороге ЕС (Румыния, Болгария и Турция), формальное членство достанется по крайней мере пять лет спустя, вероятно, в форме еще более низкого, третьего «разряда» прав. Следовательно, трудящимся бывшего советского блока теперь обещают, что, если все пойдет хорошо, им позволят реально участвовать в западноевропейском трудовом рынке через 22-27 лет – примерно через одно поколение – после краха государственного социализма. Учитывая решающую роль, которую в политической культуре ЕС играли риторика свободы и особенно свободы передвижения и демонтаж советского блока, такую задержку на целое поколение едва ли можно назвать блистательным достижением. Что касается Восточной Европы, то в 1989 года никто в здравом уме не предполагал, что ЕС понадобится целое поколение, чтобы позволить восточноевропейским трудовым потокам влиться на его территорию.

Тем временем ЕС принимает новые и все более строгие меры, чтобы удержать неграждан ЕС вне его территории, и предлагает ясное определение того, против чего и кого Восточная Европа должна стать «буфером» для территории Евро-

¹ G. Verheugen, *Japan will benefit from the enlarged Union*, речь, произнесенная на симпозиуме по расширению ЕС в Университете Васеда в Токио 25 сентября 2003. SPEECH/03/431. <http://jpn.cec.eu.int/english/press-info/4-1-1-157.htm> от 26 сентября 2003.

пейского Союза. ЕС преобразует метафору «глобального юга» в гораздо более реальное и жесткое геополитическое образование, поддерживаемое гораздо более строгой охраной границ, более суровыми ограничительными требованиями для получения гражданства, более широкими буферными зонами и всеми другими современными методами корпоративного исключения, какие только могут быть использованы союзом нескольких мощнейших государств и крупным капиталом. Построенное сегодня европейское пространство всё более соответствует идее «Европейской крепости» – понятию, разработанному добрые два десятилетия тому назад в русле критического анализа того, чем представлялась тогда ужасная негативная утопия «обособленной Европы». Быстрое экономическое и геополитическое поглощение и одновременное медленное и постепенное включение частей прежнего советского блока и есть части этого процесса.

Добавьте к прежним государственно-социалистическим восточноевропейским обществам два маленьких островных государства Средиземноморья – Мальту и Кипр, – и вы увидите историю с точки зрения западноевропейского правления и крупного капитала: ЕС – образование, насчитывающее в настоящее время немногим более 6% мирового населения и распоряжающееся четвертью / третью мирового ВВП – собирается осваивать новые земли. В него войдет новая зона с населением приблизительно 75 миллионов человек – около 1,2% человечества, которая добавит приблизительно 1% к доле ЕС в мировом ВВП.

Включение в ЕС частей восточной и южной Европы – рискованный политический процесс. В дополнение к широко распространенному среди западных европейцев «евроскептицизму», вступление десяти новых членов влечет за собой специфические политические трудности двоякого рода. Общественная культура этих прежних богатых центров колониальных империй неизменно изображает себя мировым отрядом «передового», современного, демократического, толерантного капитализма. В таком видении мира находится и маленькая

комнатка для постсоциалистических восточноевропейских соседей «передового» Запада, где бедные родственники² хотя и не осуждаются, но рассматриваются в лучшем случае снисходительно, а в худшем – с позиций «цивилизационной недостаточности»³.

Имеется также и щекотливый вопрос субсидий: даже наиболее богатые экономические системы новых членов – Кипр и Словения – заметно беднее, чем большая часть стран ЕС (уровень их ВВП на душу населения - 74% и 70% от среднего показателя ЕС)⁴; средний уровень дохода в этих двух странах превышает уровень только двух государств-членов ЕС – Португалии и Греции (соответственно 69% и 65%)⁵. Средний уровень ВВП на душу населения вступающих стран – ниже половины среднего уровня ВВП стран ЕС⁶, а недавние исследования наводят на мысль, что даже при благоприятных обстоятельствах (то есть допуская исключительно стремительный и продолжительный рост восточноевропейских участников) они не догонят средний уровень ЕС в следующем поколении. Сегодня в Западной Европе широко распространено понимание того, что новым участникам будут даны некоторые субсидии и капитал на развитие инфраструктуры из центрального бюджета ЕС, но преувеличение значительности таких субсидий – один из простейших и наиболее легкодоступных тропов, упоминаемых обычно в западных европейских СМИ. Само собой разумеется, проблема расширения довольно непопулярна среди населения нынешнего Европейского Союза.

² Этой проницательной формулой я обязан Махуа Саркар.

³ В недавнем проекте, изданном как е-книга (J. Böröcz, M. Kovács, eds., 2001, *Empire's New Clothes: Unveiling EU-Enlargement*, <http://www.rci.rutgers.edu/~eu/Empire.pdf>), мои студенты и я проследили появление таких колониальных тропов в официальных документах, произведенных Европейским Союзом в множестве различных контекстов.

⁴ EUROSTAT. 2003. *Towards an Enlarged European Union. Key Indicators on Member States and Candidate Countries*, Brussels. <http://europa.eu.int/comm/enlargement/docs/pdf/eurostatapril2003.pdf> от 23 сентября 2003.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

Намного интереснее то, что вступление новых членов в ЕС – достаточно сложный политический процесс и для самих новых участников. Поскольку членство в ЕС могло действительно повлечь за собой некоторый перевод ресурсов от Брюсселя к новым членам, а политические и культурные элиты этих пост-социалистических обществ настойчиво представляли вступление в Европейский Союз как конец длительного периода современной европейской истории, в которой восточным европейцам отводилась роль «менее чем равных» своим могущественным западным соседям, многие наблюдатели ожидали весьма высокого уровня одобрения вступления в ЕС среди населения новых государств-членов. Это ожидание неоднократно озвучивалось либеральными аналитиками как Западной, так и Восточной Европы, а либерально настроенные и решительно ориентированные на вступление в ЕС правительства использовали эту идею в политическом обиходе, побуждая общественность легитимировать усилия государства к достижению членства в Европейском Союзе демократическими средствами. В период с марта по сентябрь 2003 г. состоялись девять⁷ референдумов по вступлению в ЕС в государствах, готовящихся стать членами Европейского Союза в этом раунде.

Вынесение вопроса о вступлении на референдум оказалось рискованным делом в недавней истории ЕС. Два правительства Норвегии, к примеру, завершали переговоры о вступлении их государства в Европейский Союз, однако оба раза вступление было провалено на референдуме. Избиратели Швейцарии воспротивились усилиям их правительства привести страну в Европейский Союз, несмотря на элементарный факт экономической и политической географии,

⁷ Состоялось только девять референдумов, так как десятое государство – кандидат на вступление в ЕС - Кипр - является государством с фактически военным разделением между греческой и турецкой общинами, поддерживаемыми Грецией (членом ЕС) и Турцией (кандидатом на вступление в ЕС). Оно оказалось не в состоянии выдержать референдум, поэтому политические элиты обеих сторон провели юридическую работу для вступления через политический компромисс.

закрывающийся в том, что их маленькое государство не имеет выхода к морю и разделяет границы только с членами ЕС. Избиратели Дании и Швеции, ныне уже члены ЕС, совсем недавно сказали «нет» усилиям своих правительств ввести их денежно-кредитные системы в Еврозону. (Будь это одобрено, и датские и шведские валюты сменились бы Евро, закономерно функционирующее уже в двенадцати из пятнадцати государств-членов ЕС.) Сознавая большую непопулярность этой проблемы, в остальном настроенное весьма проевропейски, новое британское правительство лейбористской партии тщательно избегало поднимать вопрос о возможном вступлении Объединенного Королевства в денежно-кредитный союз евро.

Есть, однако, нечто существенное, что отличает все эти случаи от новых государств-членов Восточной и Южной Европы. Норвегия, Швеция, Дания, Швейцария и Великобритания – очень богатые, мощные экономические системы. Они занимают соответственно первое, третье, десятое, одиннадцатое и тринадцатое места в «Индексе человеческого развития» 175 стран мира, включенных в последний список Программы развития Организации Объединенных Наций⁸. Отклонение их населением членства в ЕС или принятие его валюты может, следовательно, расцениваться как стратегическое решение, в значительной степени мотивированное относительной экономической мощью их экономических систем и отвращением их народов к идее субсидировать менее зажиточных членов Европейского Союза, не говоря уж о новых участниках. Главный смысл такого голосования «против» – отказ богатых брать на себя ответственность за бедных родственников.

Общества Восточной Европы и двух средиземноморских островных государств занимают отчетливо различные мировые позиции. В настоящее время они занимают места от 25-го (Кипр) до 50-го (Латвия) в мире в списке «Индекса

⁸ UNDP 2003. *Human Development Report 2003*. New York: United Nations Development Program and Oxford University Press, p. 237-40.

человеческого развития»⁹. Вот в каком контексте состоялись референдумы о вступлении. Вопросы, заданные избирателям на референдумах (варианты основной темы «Вы согласны, чтобы [ваша страна] стала членом Европейского Союза?»), несли, следовательно, намного более сложный и неоднозначный набор смыслов. Самые существенные из них сводятся к следующей альтернативе:

- ДА: «Учитывая, что транснациональные корпорации ЕС уже приобрели контроль над большей частью собственности и долей рынка в [вашей стране] и потому большая часть независимого суверенитета [вашего государства] в отношении ЕС и НАТО уже потеряна, согласны ли Вы, чтобы [ваше государство] получило хоть ничтожную долю контроля над своими собственными делами, а возможно, как говорят некоторые, и над будущим остальной части мира, – ценой принесения в жертву части вашего формального суверенитета и присоединения к крупномасштабной экономической и политической мощи ЕС, даже при том, что ваш голос всегда будет незначашим?».
- НЕТ: «Чувствуете ли Вы, что более важно высказать ваш протест против геополитического статуса-кво, склоняющегося в пользу ЕС, – даже за счет того, чтобы подвергнуть [вашу страну] опасности лишиться возможности иметь доступ к субсидиям и капиталу развития, предлагаемому только государствам - членам?»

Во всех девяти случаях, от Мальты до Латвии, уровень участия избирателей превысил конституционные пороги, и действительные голоса обернулись большинством «да». В результате референдумы обрели силу закона, и вступление новых членов в ЕС пройдет, как запланировано.

Однако, настроенные на вступление в ЕС восточноевропейские правительства едва ли испытывают торжество. Цифры референдумов послали им более тонкий сигнал: «произошло еще кое-что, помимо очевидного». Таблица 1 приводит релевантную информацию по референдумам в хронологическом порядке.

⁹ Ibidem.

Таблица 1
 Результаты референдумов о вступлении в ЕС в девяти государствах,
 намеченных к присоединению к ЕС в мае 2004 года

государство	дата	уровень участия ¹⁰	% «за» ¹¹	сила мандата ¹²
Мальта ¹³	8 марта 2003	89.82	53.60	48.14
Словения ¹⁴	23 марта 2003	60.25	89.61	53.99
Венгрия	12 апреля 2003	45.60	83.76	38.19
Литва	10-11 мая 2003	62.59	91.07	57.00
Словакия ¹⁵	16-17 мая 2003	52.15	92.46	48.22
Польша ¹⁶	07-08 июня 2003	58.43	77.45	45.25
Чешская республика ¹⁷	13-14 июня 2003	53.96	77.33	41.72
Эстония ¹⁸	14 сентября 2003	64.06	66.83	42.81
Латвия ¹⁹	20 сентября 2003	72.53	69.60	50.48
(Последние европейские парламентские выборы ²⁰ 15 государств-членов ЕС)	10 июня 1999	49.50		

¹⁰ Процент активных избирателей, участвовавших в голосовании.

¹¹ Процент тех, кто проголосовал «ЗА» из тех, кто участвовал в голосовании.

¹² Процент активных избирателей, проголосовавших «ЗА».

¹³ http://europa.eu.int/comm/enlargemn/doc/newsletter/weekl_110303.tm, от июля 2003.

¹⁴ http://www.rvk.si/referendum/eu_nato/eng/ от 5 июля 2003.

¹⁵ <http://www.euro.lt/index.php?LangID=7?TopMenuID=127&LangID=7> от 5 июля 2003.

¹⁶ http://www.pkw.gov.pl/katalog/artukul/Obwieszczenie_o_wyniku_referendum_akcesyjnego.htm от 5 июля 2003.

¹⁷ <http://www.volby.cz/pls/ref2003/re13?xjazyk=EN> от 5 июля 2003.

¹⁸ <http://www.vvk.ee/rh03/tulemus/enght.html> от 15 сентября 2003.

¹⁹ Participation rate: http://www.cvk.lv/cgi_bin/wdbcgiw/base/sae8dev.aktiv03e.vietas?aa=2&plkst=5; % "yes": http://www.cvk.lv/cgi_bin/wdbcgiw/base/sae8dev.bals_rezult_03?p=2&ksk=4 от 20 сентября 2003.

²⁰ http://www.corbett_euro.demon.co.uk/convcrit.htm от 17 сентября 2003.

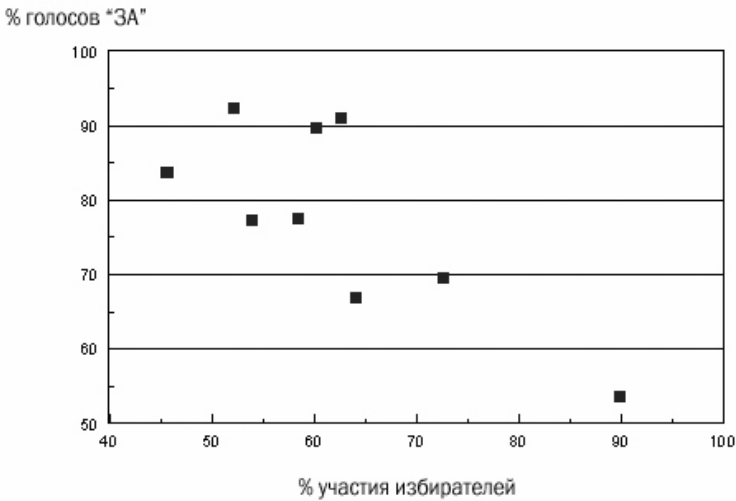
Эти данные заставляют сделать два основных заключения, и оба – довольно отличные от образа «торжествующего» вступления. Прежде всего, что поражает, – это то, что, хотя уровень участия и менялся от 45.6% (Венгрия) до почти 90% (Мальта), результаты представили замечательную последовательность девяти случаев. Как показывает рисунок 1, процент положительного голосования был выше в тех странах, где за вступление в ЕС голосовала меньшая процентная доля активных избирателей, и ниже – там, где в голосовании приняло участие большее число людей. Другими словами, степень участия избирателей в референдуме кажется обратно пропорциональной их мнению относительно вступления, возможностей их страны внутри ЕС и геополитического проекта ЕС вообще. На этом основании разумно заключить, что большинство избирателей, которые не потрудились голосовать, выступают против вступления. Именно такого рода результата следовало бы ожидать, если бы противники вступления имели основания считать вступление «совершившимся фактом», поскольку они чувствуют, что не могут контролировать геополитический процесс преобразования такого великого масштаба. Учитывая скорость и эффективность, с которой западноевропейский капитал и западноевропейский / североамериканский геостратегический союз установили контроль над той частью мира, которая совсем недавно вышла из прежнего советского геополитического проекта, покорность восточноевропейских избирателей весьма понятна.

Возможно, из анализа этого голосования предстоит сделать еще более разрушительный вывод. Поскольку ЕС требует, чтобы государство-член подчинилось законам сообщества, установлениям и политике Европейского Союза, членство в ЕС подразумевает частичную потерю суверенитета. ЕС широко описывается как наднациональное образование, которое воплощает в себе «разделение и соединение» суверенитетов государств-членов. Неверие в ЕС как в суверенное образование объясняет, по большей части, нежелание норвежской и швейцарской общественности одобрить усилия их правительств по

включению их государств в Союз. Что касается восточноевропейских участников, то проблемы суверенитета здесь несколько более явственны – и не по какой иной причине, как из-за их недавнего опыта членов советского блока, наднациональное объединение часто и справедливо воспринималось ими как система, подвергавшая суверенитет меньших государств глобальной геополитической логике, продиктованной СССР. Потери в действительном суверенитете за 14 лет, прошедших после распада советского блока, только подчеркивают значение формального суверенитета.

Рисунок 1.

Положительное голосование на референдуме по вступлению в ЕС
в отношении к уровню участия избирателей в референдуме
9 государств, намеченных к вступлению, 5 марта - 20 сентября 2003 г.

Это, конечно же, открытый вопрос политической философии: до какой степени государство или его граждане реально могут иметь право отказываться от формального суверенитета – конечной власти, формирующей социальную жизнь в пределах территории государства. Можно утверждать, что суверенитет подобен праву собственности при капитализме в том смысле, в каком совокупность прав собственности включает

право избавляться от объекта собственности, разрушать, отчуждать или передавать его другим. Этот частный аргумент предполагает некий народный суверенитет, основание республиканской демократии, существенно подобное праву собственности. Суверенитет принадлежит людям, так что они свободны отдать его.

С другой стороны, можно утверждать, что суверенитет, особенно суверенитет народный, есть отношение между политическим сообществом граждан и государством, которое существенно отличается от свойств собственности. Согласно этой логике, суверенитет укоренен глубже, чем собственность, и представляет собой ряд прав и обязанностей, которые не подчинены и не должны быть подчинены логике обращения капитала. По этой логике, суверенитет не является отчуждаемым и, с этой точки зрения, аргументы, которые изображают суверенитет как наличность – жертвы неолиберальной ошибки, основанной на аналогичном размышлении.

Как бы то ни было, даже если мы признаем, что «народ» должен быть в состоянии отказаться от суверенитета в пользу суверенитета другого государства, идея уступить суверенитет в пользу ЕС несет в себе еще две проблемы – одну теоретическую, а другую вырастающую из поразительно согласующихся результатов восточно- и южноевропейских референдумов этого года по вступлению в ЕС.

Теоретическая проблема, конечно, состоит в том, что, в то время как ЕС ведет себя в некотором отношении подобно государству, он не является непосредственно государством в одном решающем аспекте: он не имеет собственного исполнительного аппарата. Для того, чтобы привести в исполнение его юридические и регулирующие установления, он полагается на запутанную сеть сложных институтов, включая исполнительные аппараты его государств-членов, различные международные организации, а также иностранных партнеров. Поэтому передача суверенитета Евросоюзу означает очень специфический вид сделки, когда суверенитет государства частично передается надгосударственному образованию (ЕС), не обла-

дающему никакой реальной правоспособностью действовать – то есть вообще не обладающему никаким специфическим собственным суверенитетом.

Итак, в конечном счете, мы имеем эмпирическую проблему девяти референдумов. И даже если мы на миг согласимся, что избиратели государства могут подтвердить действия правительства по частичной передаче их формального суверенитета ЕС, то все еще остается открытым вопрос о том, как они могут это сделать. Одна здравая идея состоит в том, что во избежание конституционных кризисов, нестабильности и общего политического паралича решение должно быть поддержано убедительным большинством избирателей. Обычное благоразумие подсказывает, что имело бы смысл ожидать, чтобы квалифицированное большинство – то есть две трети активных избирателей – поддержало решение такого исторического масштаба. Такое квалифицированное большинство потребовалось бы, например, если бы парламенты недавно еще независимых государств Восточной Европы пожелали бы изменить или исправить свою Конституцию. Конечно, трудности подсчета, поднятые референдумом, на несколько порядков выше тех, что подразумеваются при голосовании в парламенте: путем референдума намного труднее выявить убедительный нижний предел поддержки какой-либо меры, чем при парламентском голосовании. И все же можно утверждать, что значимость решения о частичной уступке суверенитета, которая касается не только средоточия законной власти, а является необратимым шагом, достаточно оправдывает такую убедительность. С этой точки зрения простое численное большинство в пятьдесят процентов избирателей плюс один голос представляет собой смягченный стандарт для решения.

Цифры в правой колонке таблицы 1 представляют численный показатель мандата, полученного на каждом из девяти недавних референдумов по вступлению в Европейский Союз. (Показатель мандата референдума вычислен путем умножения пропорции действительных голосов – как процента от

числа тех, кто имеют право голосовать, – на пропорцию действительных голосов «ЗА».)

Результаты, конечно, наводят уныние. Шесть из девяти референдумов оказались не в состоянии выдать достаточно сильный мандат, чтобы пройти даже по самому мягкому критерию (пятьдесят процентов плюс один голос), и ни одни из девяти референдумов не представил, даже приблизительно, мандата в две трети квалифицированного большинства активных избирателей. Верно и то, что показатели мандата являются вообще говоря сопоставимыми с показателем участия избирателей в последних выборах в ЕС (см. последнюю строку в таблице 1), хотя ставки в обоих голосованиях ясно различны.

Все три государства, где сила мандата отвечает наиболее мягкому критерию – Литва (57 %), Словения (53.99 %) и Латвия (50.48 %) – являются продуктами распада двух больших мультиэтнических федераций региона, СССР и Югославии. Ни одно из них не имело существенной современной истории суверенной государственности в период до краха государственного социализма, и все три государства настойчиво представлялись их националистическими элитами как 1) имеющие гораздо больший шанс стать членом ЕС «в одиночку», чем вместе с остальными государствами федераций, и 2) извлекающие чрезвычайную пользу из членства в ЕС в смысле возможности предотвращения восстановления федераций, из которых они только что вышли. В этом смысле мандаты, превышающие 50%, следует понимать, по крайней мере частично, как действие политического катарсиса, завершающего развод с другими государствами, выходцами из СССР и Югославии.

В итоге крупномасштабные геополитические перестановки породили в Восточной Европе весьма противоречивую ситуацию. С одной стороны, референдумы по вступлению в ЕС формально действительны и обязательны; с другой стороны, они предоставили очень слабую политическую поддержку сторонникам вступления. Напряжения, возникшие от непосредственной близости и взаимодействия, породили в Восточной Европе всепроникающее чувство неуверенности и подозрительности.

Значит ли это, что в Восточной Европе следует ожидать волнений, протеста и уличных выступлений против ЕС? Вовсе нет. Вероятнее всего, это приведет к несчастливому, происходящему под знаком разочарования вступлению в ЕС, отмеченному недоверием и негодованием. В результате связанная с ЕС политика внутри новых государств-членов и, как следствие, поведение новых государств-членов внутри принимающих решения организаций ЕС будут, вероятно, несколько беспорядочны, непредсказуемы и иногда внутренне противоречивы. Ирония, самоотстраненность и смесь сотрудничества и неповоротливости будут, по всей видимости, характеризовать их поведение.

По причине их большого исторического опыта в качестве внешне зависимых буферов с глубоко ущербным суверенитетом, зажатых меж четырех сухопутных империй – «союзов» Габсбургов, Оттоманского, Российского и Прусского – политические культуры восточно-европейских государств весьма хорошо освоились с ситуацией промежуточности и принудительного подчинения. История научила их искусству справляться с двойственностью интересов, множественностью союзов, противоречивыми давлениями и произволом. Сбивающий с толку сигнал, посланный референдумами по вступлению, очень сильно напоминает об этих исторических образцах.

С английского перевел А. Горлов
(перевод неавторизованный)

Статья: *Z Europy Wschodniej do UE: Z objawami niepewności* из журнала „Polski Przegląd Dyplomatyczny”, t. 3, nr 6 (16), listopad-grudzień 2003, s. 51–68.